

Мел. Россия, 1979, 19 окт.

«Я РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА»

У каждого из нас время от времени возникает желание поделиться с окружающими своими воспоминаниями о прошлом, пережитом. Особенно охотно, нередко с доброй улыбкой воскрешаем мы в своей памяти события той жизненной поры, которую поэт назвал «золотой порой малолетства». Почему? Георгий Гулия — автор книги рассказов «Дилижанс» — так отвечает на этот далеко не праздный вопрос: «Корни нашей жизни уходят именно в детство. От детства все равно никуда не уйдешь, даже если рассказываешь о том, что было после. Это «после» не бывает без детства, и детства не бывает без этого «после».

О детстве написаны шедевры мировой литературы. И тем не менее тема эта неисчерпаема, ибо детство каждого поколения своеобразно и неповторимо, как своеобразна и неповторима любая человеческая жизнь. Вот и в «Рассказах о детстве», составивших ядро «Дилижанса», с интересом и удовлетворением отмечаем мы колоритные детали, оригинальные и своеобразные штрихи, выразительно характеризующие и время, и место действия, и людей той далекой уже эпохи.

Детство автобиографического героя Г. Гулия значительной своей частью пришлось на первые годы Советской власти. Проходило оно в провинциальном захолустье, каким был в то время Сухум, где особенно причудливо, прямо-таки калейдоскопично новое переплеталось со старым, где сонный, устоявшийся быт начинал трещать под натиском новых веяний. Повествование в рассказах и строится на столкновении контрастов, что дает возможность наглядно выявить характерные приметы времени и психологические особенности героев.

Сам жизненный материал, воплотившийся в «Рассказах о детстве», имеет осязаемый привкус экзотики. Почему-то принято настороженно относиться ко всякого рода диковинным реалиям. Но куда же, скажите, деться от экзотики, если сам темпераментный, ослепляющий буйством ярких красок, гомонливый и разноязычный черноморский юг составляет ее с нескудеющей щедростью?

Экзотика — один из источников юмора, что пронизал многие рассказы, то сырые, что пошло на изготовление различных «дружеских шаржей»: именно в этой манере исполнены портреты многих персонажей. Право же, невозможно оставаться хмуро-серьезным при встречах и с владельцем старомодного, выдавшего виды дилижанса забудливого и храбрецом Патой Чантриа, и с местным «львом», распорядителем бала парикмахером Бумбуриди, и с вкрадчиво-настырными гречанками, предлагающими контрабандный шерстяной отрез. Теплой улыбкой согреты и описания городских достопримечательностей, этаких «чудес цивилизации», вроде крохотного кинематографа «Олимпия», на стареньком экране которого под звуки расстроенного пианино возникала очередная порция приключений Тарзана, вызывавших у затаивших дыхание зрителей-мальчишек учащенное сердцебиение. Рядом с этими встречами и описаниями возникают и другие. Вслед за Патой Чантриа и Бумбуриди приходит герой рассказа «Лыры из рук Нептуна» молодой комиссар Володя Званба, приобщивший мальчишек к радости общего труда. Описание кинематографических страстей в «Олимпии» соседствует с трогательным рассказом о юбилее отца — знамени-

того Дмитрия Гулия, на чествовании которого специально сошедшая с парохода незнакомая женщина приветствует основоположника абхазского просвещения. В таких на первый взгляд мимолетных сценах и выявляются неповторимые черты нового времени, которое начинает властно заявлять о себе и на далекой окраине огромной страны.

Мальчишки всегда остаются мальчишками. Во все времена им свойственны не только склонность к озорству и проказам, но и острота и поэтичность восприятия мира, безудержный полет фантазии, трепетная вера в легенду, в чудо. Эти типические «родовые» черты хлопотливого и жизнерадостного мальчишеского племени бережно отмечены в ряде рассказов. И здесь, говоря о примечательных удачах книги, я бы отметил несомненное «реставраторское» мастерство автора, его глубокое проникновение в психологические тайники души юных героев, его умение заставить нас воскресить в памяти те увлечения и страсти, которые терзали нас много лет назад. Сошлюсь на рассказ «Знаменитый Шимкунас». В нем очень точно передана безграничная мальчишеская вера во всемогущество кумира. Таким кумиром выступает в рассказе футбольный вратарь. И мы, читатели, если на миг перенесемся в наше детство, непременно поверим в то, что «Шимкунас за всю свою жизнь пропустил только три гола: После первого гола он плакал целую неделю. После второго хотел утопиться, но его удержали друзья... Третий гол был неправильный, судья его не засчитал...». Я, во всяком случае, верю, потому что в моем родном Ростове-на-Дону мы, предвоенные мальчишки, свято верили тому, что наш Шимкунас — звали его Боженко — брал все «смертельные» мячи.

Острота ощущения необычного, вера в чудо, в то, что отвергает трезвое воображение взрослых, и составляет привилегию детства. Об этом два таких разных рассказа, как «Чудеса совершаются в небе» и «Тополя». Первый из них представляет собой вполне реалистическую историю, в которой, однако, преобладающим мотивом выступает мотив гордой и дерзновенной мечты о полете. Не будем забывать, что действие происходит не в эпоху космических кораблей и межконтинентальных лайнеров, а на заре авиации и авиамоделлизма, когда, может быть, впервые мальчишки услышали зов неба и оттого так страстно мечтали проникнуть в его просторы. «Тополя» — это своего рода поэтическая аллегория, в которой опять-таки высвечена эта распахнутость юной души навстречу сказке, чуду. Как и во всякой аллегории, в рассказе четко обнажена главная мысль: «Чем ты сильнее, тем будь добрее».

Уже говорилось, что юмор — важная краска на палитре рассказчика. Важная, но не единственная. Цикл «Рассказы о детстве» отличает многообразие красок и интонаций. Веселое сочетается с печальным, броские бытовые детали — с описанием тончайших, порой трудноуловимых душевных движений. Если в зарисовках эпизодических персонажей внимание привлекает прежде всего экстравагантность, то в портретах главных героев проступает явственно выраженное стремление к психологическому постижению их внутреннего мира. Так написаны отец, мама, брат Володя, мудрая бабушка Фотиня. В повествовании о них нередко сквозят интонации грусти, светлой печали. Эта грусть и печаль уже немолодого человека, наделенного большим жизненным опытом, сердцем своим прикоснувшегося к тем

незабвенным дням, что давно уже ушли, но всегда живут памяти.

Мы часто сетуем на то, что рассказ занимает весьма скромное место в литературе, что сегодня редки удачи в жанре, знавшем в свое время немало достижений. «Рассказы о детстве» Георгия Гулия, естественно, не в силах коренным образом изменить положение дел. Они только свидетельствуют о том, что сам жанр не растерял своих возможностей. Это видно хотя бы при сравнении «Рассказов о детстве» с другим циклом, вошедшим в «Дилижанс» и озаглавленным «Разные рассказы». Произведения, составившие этот цикл, действительно разные. В целом это «попури», скажем прямо, проигрывает по сравнению с циклом «Рассказов о детстве», хотя в цикле есть и хорошие рассказы, вроде, например, рассказа «Тайф» и «Броневик». Но есть и чисто «проходные» вещи, более уместные в сборнике юморесок, есть и рассказы, не несущие в себе сколько-нибудь серьезной мысли, написанные по малопродуктивному принципу «жили-были». Они больше похожи на балетизированные сообщения о тех или иных житейских казусах. Уверен, что книга только бы выиграла, если вместо таких произведений, как «И когда проглянуло солнце...», «Визит», «Больше не могу», «Глоток тишины», и подобных им автор включил другие рассказы, скажем, такие, как «Все видели спящую реку». Они были бы достойны встать в один ряд с подлинными удачей книги — «Рассказами о детстве».

Замечательный человек и прекрасный писатель Антуан де Сент-Экзюпери сказал однажды: «Я родом из детства». Все мы родом из детства. И, пока живем, всегда с искренним и благодарным чувством будем вспоминать ту далекую страну, откуда мы пришли в наш «прекрасный и яростный» мир.

Ф. ЧАПЧАХОВ